

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.П. Булдаков

1917 ГОД: ЛИЦА, ЛИЧИНЫ И ЛИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Не секрет, что современные представления о революции примитизировались. Несмотря на многочисленные публикации источников (главным образом мемуаров), так называемые «объективные» предпосылки революции практически не принимаются во внимание. О закономерностях революционного процесса, похоже, никто не задумывается. «Визуализация» прошлого с помощью современных *mass media* приводит к тому, что даже в академических работах все больше доминирует дискурс «гениев» и «злодеев» с соответствующей ротацией последних.

Возникает, однако, вопрос, насколько адекватно воспринимаем мы лидеров революции? В какой степени понимаем обусловленность их решений? Они ли «управляли» событиями или, напротив, события управляли ими? Стоит ли говорить о тех или иных «роковых» решениях или существовали некие альтернативы исторического развития?

Существует представление, что в дискредитации самодержавия решающую роль сыграло выступление в Государственной думе П.Н. Милюкова, состоявшееся 1 ноября 1916 г. Лидер кадетской партии (и фактически всего оппозиционного Прогрессивного блока) произнес речь, в которой повторяющимся рефреном звучали слова: «Что это: глупость или измена?» (Милюков, чтобы избежать обвинений в диффамации, сделал вид, что лишь цитирует иностранные газеты.)

Между тем Милюков был принципиальным противником революции. В годы войны ему приписывалось заявление: «Лучше поражение, чем революция». 3 марта 1916 г. он так высказался в Думе: «...Не знаю наверное, приведет ли правительство нас к поражению. Но я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению, и недаром этого так жаждет

наш враг». В любом случае Милокова никогда и никто (за исключением разве что императрицы) не воспринимали как революционера (об этом писали даже люди, склонные трактовать падение самодержавия как «дворцовый переворот») [22, с. 79].

Еще в 1902 г. В.О. Ключевский дал Милокову такую характеристику: «Это наивный, тяжеловесный, академический либерал, в действиях своих даже глупый, а не вояка искушенный» [12, с. 179]. Хотя знаменитый историк вовсе не был заинтересован в афишировании достоинств своего ученика, главную его слабость он указал. Нечто подобное говорили и другие. «Умный человек, но, несомненно, с шорами на глазах: дальше того, что он раз когда-то придумал, никак не может идти», – так характеризовал его в 1906 г. бывший министр просвещения, человек либеральных взглядов И.И. Толстой [42, с. 13]. Видный кадет П.Д. Долгоруков также отмечал, что Милоков – «человек кабинетный, теоретик, лишенный вообще государственного и национального чутья» [10, с. 19]. Увы, за внушительностью и несомненной ученостью скрывался особого сорта догматик.

Милоков был позитивистом – и в историографии, и в политике. Из этого следовало, что он предпочитал оценивать происходящее, во-первых, в ментальных горизонтах эпохи Просвещения, во-вторых, оценивать русскую революцию в рамках аналогий с европейскими революциями прошлого, в-третьих, приписывать российским событиям предвзятую телеологичность. По его представлениям, событиям надлежало двигаться в заданном направлении, всякое отклонение воспринималось как аномалия. К сожалению, многие и сегодня воспринимают революцию аналогичным образом – как прямолинейное движение от традиции к Модерну.

Думское выступление Милокова вызвало фурор в образованном обществе: либералы восторгались, правые неистовствовали. Между тем лидер лишь высказал то, что давно было на устах либеральной интеллигенции. Конечно, были и аполитичные люди, скептически оценивавшие эскапады Милокова. «...Наши монархисты получили из-под полы глупую, мальчишескую речь Милокова и носятся с нею, как кот с салом! – писал генерал А.Е. Снесарев. – Подумаешь, невидаль какая! Я стал читать, да и дочитать не мог: такая дребедень...» [39, с. 517].

Как бы то ни было, речь Милокова приподняла градус общественного недовольства. Правый кадет В.А. Маклаков через день заявил с трибуны Думы в адрес правительства: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна» [цит. по: 32, с. 529]. Однако никаких уличных волнений эти и последующие (включая антиправительственную речь монархиста В.М. Пуришкевича) думские выступления, как и последовавшее 16 декабря убийство Г. Распутина, не вызвали. Февральская революция произошла без кадетов, Милокова и Думы – все они фактически пришли на готовое [5, с. 449].

Исследователи до сих пор не замечают, что основные события революции вообще происходили либо *помимо политиков*, либо при их минимальном, лишь невпадет «провоцирующем», влиянии. Подлаживаться под толпу Милоков никогда не пытался. «Свою речь он, например, начинал неизменно не с обращения “граждане” (как было принято тогда в его партии) и не с революционного “товарищи” (что некоторыми кадетами также практиковалось в рабочих районах), а с самого что ни на есть старорежимного: “Милостивые государыни и милостивые государи”, – писал о его публичном поведении один наблюдатель. – Нужно вспомнить тогдашний Петроград, чтобы со всей ясностью представить себе, что эти “милостивые государыни и государи” действовали как красная тряпка тореадора на разъяренного быка. На солдатском митинге или где-нибудь на Выборгской стороне бывало достаточно такого обращения, воспринимаемого как вызов и насмешка и контрреволюционная демонстрация – вместе, чтобы Милоков не мог больше сказать ни одного слова»¹. Фигура Милокова по-своему символична. Он, пытаясь действовать во славу России, апеллировал к некоему абстрактному ее гражданину на «чужом» языке. Даже сотрудники Милокова по внешнеполитическому ведомству считали тактику взаимоотношений своего шефа с Петроградским Советом, с одной стороны, и союзными державами – с другой, «слишком прямой» [24, с. 309]. Главному дипломату явно не хватало дипломатичности.

Чисто внешне Милоков также производил странное впечатление: нечто среднее между русским купцом и прусским генералом. «Его седые синеватые волосы представлялись стерильными и ледяными, – таким этот “барственный” человек виделся К.Г. Паустовскому. – И весь он был ледяной и стерильный, вплоть до каждого взвешенного и корректного слова. В то бурное время он казался выходцем с другой – добропорядочной и академической – планеты» [31, с. 574]. Влас Дорошевич уверял, что упрямого Милокова кадеты меж собой прозвали «богом бестактности» [11, с. 70].

В сущности именно Милоков самоубийственно спровоцировал Апрельский кризис, который вывел на авансцену революции Ленина. 18 апреля 1917 г. Милоков в качестве министра иностранных дел заверил засомневавшихся слов союзных держав, что Временное правительство продолжит войну до победы вопреки официальному курсу лидеров Петроградского Совета на «мир без аннексий и контрибуций». И в тот же день рабочие начали праздновать уже привычный Первомай (по новому стилю). Последующие события стали характерным для того времени соединением провокации и анархии, недоумения и озлобленности, утопии и психоза.

1. ГА РФ. Ф. 5881. Он. 1. Д. 370. Л. 29.

Социалисты готовы были проглотить «буржуазную» пилюлю, но кадетский ЦК призвал граждан выйти на улицы для поддержки правительства. В тот же день солдаты заговорили, что милоковская нота «оказывает дружескую услугу не только империалистам стран Согласия, но и правительствам Германии и Австрии, помогая им душить развивающуюся борьбу немецкого пролетариата за мир...» [36, с. 728]. «Милоков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать...» [30, с. 35], – констатировали интеллигентные наблюдатели. Солдаты требовали отставки Милокова и Гучкова и обещали прийти на помощь Совету с оружием в руках. 21 апреля на улицы столицы с требованиями мира вышли до 100 тыс. рабочих и солдат. Прозвучали выстрелы, три человека были убиты, несколько ранены. Кто первым открыл огонь, выяснить не удалось (большевики уверяли, что это были гражданские лица, переодетые солдатами) [5, с. 563–564].

Частично Милоков признал пагубность своего поведения. В августе 1917 г. он писал: «История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю... Спасение России в возвращении к монархии... народ не способен был воспринять свободу... Все это ясно, но признать это мы не можем. Признание есть крах всего дела и всей нашей жизни, крах всего мировоззрения... Признать не можем, противодействовать не можем, соединиться с... правыми... тоже не можем»². Милоков невольно оказал неоценимую услугу Ленину, хотя формально он расчистил дорогу не ему, а Керенскому.

Керенскому пришлось играть парадоксальную роль: революционера и государственника, демократа и сторонника сильной власти, социалиста и сторонника поддержания «буржуазной» власти – в общем, радикала и консерватора. В перспективе это стало самоубийственным.

Жесткую характеристику Керенскому дал Н.Н. Суханов: «...На посту министра-президента Керенскому пришлось остаться тем же, чем он был в роли агитатора, лидера парламентской “безответственной оппозиции”... беспочвенником, политическим импрессионистом и... интеллигентным обывателем» [40, с. 40, 72]. Пафос революции, вознесший Керенского, не мог держаться долго. Между тем Керенский, как отмечал кадет В.Д. Набоков, был «соткан из личных импульсов», «душа его была “ушиблена” той ролью, которая история ему – случайному, маленькому человеку – навязала...» [25, с. 35]. Сходным образом, но более язвительно высказался Л.Д. Троцкий. «...Керенский был и остался... временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекавшая девственные, еще не разборчивые массы, неизбежно поднимает наверх таких героев на час, которые сейчас

2. ГА РФ. Ф. 579. Д. 6392. Л. 106.

же слепнут от собственного блеска...» [44, с. 8–9]. Однако интеллигентным дамам в апреле-мае 1917 г. Керенский казался «чуть ли не сошедшим с неба ангелом – и именно ангелом мира» [2, с. 188]. В Москве после его пылкого выступления в Большом театре женщины принялись бросать на сцену драгоценности. Как вспоминал британский консул Р. Локкарт, речь Керенского «продолжалась два часа, эффект от нее держался два дня» [19, с. 188].

Поразительная картина растущей неустойчивости харизмы Керенского прослеживается по дневникам студентки Одесской консерватории. «Я полна радости и счастья... Вчерашний день (15 мая 1917 г.) – один из лучших и радостных дней в моей жизни: приехал Александр Федорович Керенский – и я его видела! – восторженно писала она. – Все были в каком-то религиозном экстазе, и толпа превратилась в дикарей... Многие стояли и плакали от восторга и умиления... Про него никто не может сказать ничего дурного, даже его враги, даже ленинцы... Милый дорогой Керенский, гений и главный двигатель Русской Революции». Ей казалось, что по случаю визита «гения» «все сразу подшевелило», и вообще «наша революция справедливая и не похожа на кровавую французскую расправу». Увы, через полмесяца ей пришлось выслушать иное мнение от столичной знакомой: Керенский – «морфинист и дни его сочтены», у него «пять любовниц-евреек». А 25 июля 1917 г. она сама признала, что Керенский «делает ошибку за ошибкой», и она его «больше не любит и не преклоняется» [33, с. 141–144]. Создается впечатление, что появление тех или иных лидеров было запрограммировано всем «излишне эмоциональным» ходом русской революции. Но до поры до времени они оказывались вполне востребованными.

Несмотря на стремление казаться «сильным», многие видели в Керенском скорее стремление «покрасоваться», «женское» тщеславие, жеманство и склонность к истерике [6, с. 394–399]. Известные слухи о переодеваниях Керенского в женское платье при бегстве от заслуженного возмездия – закономерное развитие образа «сфальшивившего» лидера.

Тем не менее фигур масштаба и дарований Керенского среди социалистов не было. Эсеровский лидер В.М. Чернов столь восторженных эмоций ни у кого не вызывал. Скорее наоборот. Так, к примеру, описывалось его поведение на Демократическом совещании в авторитетной социалистической газете: «Несмотря на седую шевелюру, у него цветущее, бодрое, румяно здоровое лицо, окаймленное острой бородкой... Это самый говорливый из всех ораторов. С необычайным количеством словесного сахара. С пряной вычурностью... Вместо аграрного вопроса... получается очень крепкий ликер из деревенского большевизма и розового варенья... Полемист он плохой. Замечания, брошенные сверху... рождали в нем растерянность» [13]. В Чернове не видели силы, но уловили стремление использовать действия других ради торжества своей доктрины. «Не бойтесь чрезмерно политических чрезмер-

ностей Ленина», – таково одно из ставших знаменитым изречение Чернова», – уверял очевидец³. «Чернов слишком склонен к неразборчивой в средствах демагогии», – такова еще одна из его характеристик⁴. «Чернов способен на всякое предательство», – записывала З. Гиппиус в конце декабря 1917 г. [9, с. 39].

Некоторые усматривали нечто мефистофельское в самой внешности Чернова [27, с. 132]. Здесь, похоже, сказывался избыток воображения контрразведчика. Впрочем, для менее подозрительных людей, Чернов был «шутник, приятный человек» [41, с. 133]. Независимо от справедливости подобных характеристик, само наличие столь противоречивых характеристик свидетельствовало, что Чернов – сомнительная фигура тогдашнего политического ландшафта.

Фактически Чернов был авторитетен скорее своими литературными трудами внутри своей – пусть самой многочисленной – эсеровской партии (ухитряясь при этом интриговать против другого виднейшего ее члена – Керенского). Слишком многие люди самых разных политических склонностей относились к Чернову с подозрением. В отличие от Керенского он ухитрялся раздавать реверансы налево – иной раз даже Ленину. Злословили, что Чернов «с прибауточками и стишками», с особой, порой «плотоядной, ужимочкой стремится всучить лежалый товар» [8, с. 300]. Он был многословен, но отнюдь не обладал ораторским темпераментом. Казалось, что этот политик попросту ждал, когда волна крестьянской революции вознесет его и его партию на вершину власти. Вероятно, ему также казалось, что «углубление революции» будет происходить в соответствии с принципами формальной демократии. В общем, как типичный человек революционного подполья, он не понимал ни природы открытой политической борьбы, ни законов крестьянского вождизма, ни азов харизматического лидерства вообще. В сущности, он провалился на посту министра земледелия, так и не поняв, до какой степени подвел этим «свою» партию [6, с. 399–401]. А в «бесконечной» речи Чернова на открытии Учредительного собрания некоторые увидели «бездарную перефразировку большевизмской программы» [10, с. 79].

Революция не прощает тех, кто бездарно претендует на роль ее лидера. Не случайно во время июльских событий в Петрограде разбушевавшаяся толпа сначала требовала, чтобы Чернов «принял власть», а затем арестовала. Склонность к лицедейству спасает лишь на время. Чернова невозможно было представить во главе победившей революции – символично, что в июле 1917 г. его «спас» от толпы не кто-нибудь из «своих», а Л.Д. Троцкий [38, с. 384; 34, с. 203–205].

3. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 25–26.

4. Там же. Оп. 2. Д. 807. Л. 83.

Троцкий был человеком иного типа. Для солдат он был «своим»; последующее появление его на посту большевистского наркомвоена символично. Описан случай, когда во время митинга солдаты едва не растерзали оборонцев из числа гвардейцев-гусар, один из которых во время выступления Троцкого осмелился выкрикнуть «Долой еврея» [18, с. 228]. Напротив, обозреватель еврейской газеты высказался о Троцком с ненавистью: «...Это же зверь, подхлестнутый сатанинским честолюбием, настоящий апокалиптический зверь из бездны, сжигаемой своей неутоленной жаждой разрушения...» [47, с. 3]. Увы, подобным оценкам суждено было пережить свое время. Скривали исторической памяти прописаны неостывающими эмоциями. Сами «герои» революции вольно или невольно подыгрывали людскому воображению, приносясь к выданным им революцией маскам.

Троцкий никого не оставлял равнодушным – из-за неистовой язвительности по отношению к противникам. «Худое, заостренное лицо Троцкого выражало мэфистофельскую злобную иронию», – так описывал его презрение к «соглашателям» на II Всероссийском съезде Советов Джон Рид, не забыв отметить, что присутствующие встретили его громом аплодисментов [37, с. 90]. «...Вот имя, которое публика повторяет все чаще теперь... – писала о Троцком правосоциалистическая газета. – Имя, собравшее вокруг себя уже огромные каталоги восторгов и брани...» Корреспондент отметил особенности его митингового поведения: «От оратора требуется умение внедрять по желанию то или иное убеждение в умы своей аудитории. Этим даром Троцкий владеет в высокой мере и пользуется своим искусством с удивительным мастерством... Троцкий обладает холодным рассудком и еще более холодным сердцем, но одарен железной настойчивостью... Она придает его выпадам огромную ударную силу. Вместе с этим Троцкий владеет всеми оттенками сарказма... Чтобы вызвать улыбку одобрения в слушателях, Троцкий весь свой талант превращает в игру остроумия – остроумия злого, тщеславного и парадоксального... Троцкий никогда не способен превратиться в раба идеи. Но жажда аплодисментов нередко превращает его в раблепного демагога...» [13].

В сущности Троцкий довел до логического конца демагогию Керенского, заменив надоевшие абстракции («свобода», «республика», «демократия»), доступными словами «земля, хлеб, мир». Естественно, последние подносились в тогдашнем агрессивном наполнении. «Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит, – свидетельствовал контрразведчик. – Клянется Троцкий, клянется чернь» [27, с. 209]. Этот «интеллигент» был виртуозом охлократии.

На людей «буржуазного» лагеря Троцкий производил иное впечатление. «Небольшого роста человек, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный

нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, включенные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И – непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближающемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народной фантазией» [20, с. 17–18]. Понятно, что человек, не принимающий большевизм, увидел в его проповеднике то, что желал увидеть. Троцкий, надо заметить, вовсе не был низкорослым (175–177 см), глаза имел не черные, а голубые, некрасивым человеком его вряд ли можно назвать.

Перед французским послом Ж. Нулансом предстал еще один Троцкий: «Что поражало в нем сразу же, это выражение воли, дух власти и уверенности в себе, который отпечатался и в форме носа, длинном и остром, изогнутом ко рту, и в тонких, чувственных губах, подчеркнутых подстриженными усиками, извилистый изгиб их был четко обрисован. Густые черные волосы зачесаны направо и отброшены назад, открывая лоб, широкий, но низкий. Темная бородка выделяла подбородок. Глаза – большие и черные, в пятинышках крови у внутренних уголков век – усиливали жестокость этой физиономии». Французу казалось, что перед ним был «восточный деспот, лицо которого выдавало жесткий абсолютизм» [28, с. 149]. «Политическое зрение» деформировало реальный облик человека.

Существуют и другие «портреты» Троцкого: «...Тип еврейский (но не очень), еврейско-испанский: крупные черты лица, высокий лоб и богатая шевелюра, орлиный, скорее ястребиный нос, мясистые, чувственные, красные губы... голос немного резкий... (без богатого тембра), но отчетливый, громкий, властный и гибкий, с южным акцентом» [23, с. 147]. По-своему описал внешность легендарного наркомвоенно художник Ю. Анненков. Оказалось, что тот «был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен», глаза «блестели энергией» [1, с. 626]. Впрочем, в графическом портрете Анненков явно постарался (или даже перестарался) подчеркнуть в Троцком волевое и властное начало. «Обаяние», которым, с его слов, обладал любитель поэзии С. Есенина Л. Троцкий, начисто исчезло.

Британский консул Р. Локкарт увидел еще одного «Троцкого»: «У него изумительный живой ум и густой, глубокий голос. Широкогрудый, с огромным лбом, над которым возвышалась масса черных вьющихся волос, с большими горящими глазами и толстыми выпяченными губами, он выглядел как воплощение революционера с буржуазной карикатуры. Он одевается хорошо. Он носит чистый мягкий воротничок, и его ногти тщательно наманикюрены... Он производит впечатление человека, который охотно умер бы, сражаясь

за Россию, при том условии, однако, чтобы при его смерти присутствовала достаточно большая аудитория...» Именно таким стал *казаться* Троцкий, оказавшись у власти. Но здесь важно отметить другое. По замечанию Локкарта, сделанному, правда, после краха большевистской карьеры Троцкого, этот «революционер, наделенный темпераментом художника и несомненной физической храбростью, он никогда не был и не мог быть хорошим партийцем» [19, с. 236–237]. Революции нужны пассионарные лицедеи. Но только до определенного времени.

«Портретисты» революции словно работали на разных «заказчиков». В любом случае преобладали личины и лишь в некоторых случаях – «лики». Кто-то видел брюнета Троцкого, кто-то блондина. Кому-то от казался тонкогубым, а кому-то, напротив, толстогубым. Ухитрялись даже перепутать цвет глаз. Все это достаточно типичные aberrации зрения революционной поры. И потому историк должен разглядывать персонажи революции с пристальным «равнодушием», меняя угол зрения. Только так можно создать подобие голографического изображения, с которым только и можно «работать».

Возможно, наиболее близко подошел к «загадке» Троцкого В.Д. Медем, тоже еврей, но православный по вере и бундовец по политическому призванию. Вероятно, одному «этнополитическому» маргиналу было проще понять другого. Троцкий, писал Медем, обладал «хлестким языком, и влияние этого языка на самого Троцкого было сильнее рассудка». Он напоминал человека, который, согласно русской пословице, «ради красного словца не пожалеет и отца». При этом «для него были важны не именно слова, а то, как ими уколоть». «Он мог блестяще писать, а говорить – даже еще лучше, – считал Медем. – Но не производил впечатления человека, на которого можно положить» [21, с. 237]. До революции Троцкого недолюбливали буквально все. В революции случилось нечто противоположное: крушение прежних логических структур и сакральных символов привело к тому, что люди стали «думать языком», выражавшим сиюминутные эмоции. По мере остывания революционного хаоса Троцкий остался не у дел.

Троцкий пришел к большевикам, признав, наконец, первенство Ленина – куда менее яркого литератора и оратора. Он понял, что именно Ленин изоморфен русской смуте. «Ленин олицетворяет собой русский пролетариат – молодой класс... но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России... – писал Троцкий. – Свобода от рутины и шаблона, от фальши и условности, решимость мысли, отвага в действии – отвага, никогда не переходящая в безрассудство, – характеризуют русский пролетариат и с ним вместе – Ленина». С другой стороны, Ленин отражал «русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом». Он усмотрел в нем «мужицкую сметку... развернувшуюся до гениальности, вооруженную последним словом

научной мысли» [43, с. 5–6, 8–9]. Эта характеристика могла бы показаться надуманной, если бы не некоторые характерные совпадения ее с впечатлениями меньшевика Н. Валентинова (Н.В. Вольского). Тот считал, что Ленин – настоящий русский тип, и даже его ближайшая партийная среда, несмотря на этническую пестроту, была «очень русской» [7, с. 72]. А у Ю. Анненкова Ленин – «человек мелкобуржуазного типа, с усами, с бородкой и хитроватой улыбкой» [1, с. 596].

Понятно, что противникам большевизма хотелось увидеть у Ленина «дьявольскую» пронизательность. Размышляя над его портретом, некий московский обыватель так комментировал его «насмешливый взор»: «Несчастное людское стадо, как легко тебя одурачить самой фантастической сказкой! Стоит только поддакивать твоим страстишкам и низменным инстинктам, стоит поднять в тебе зависть, злобу и месть, польстить твоей хвалёной мудрости, которая века держала тебя в рабстве, ...и ты пойдешь, страдая и погибая от лишений и невзгод, за любым фантазером-крикуном, за любым проходцем...» [17, р. 500]. Судя по некоторым воспоминаниям, элементы «умудренной циничности» в поведении Ленина в 1917 г. были. «В перчатках ведь рябчиков не изжаришь» [35, с. 91], – якобы говорил он. Возможно, такие впечатления были связаны с привычкой Ленина слегка шуриться по причине астигматизма – некоторые фотографии действительно производят соответствующий эффект.

Вся структура поведения Ленина была такова, что его воспринимали – любя или ненавидя – только всерьез [4, с. 649]. Он был искренен и в своей вере, и в своем негодовании. Это вызывало уважение даже у противников.

Когда и как могли сформироваться у Ленина подобные черты? Уже в школьные годы он держался более чем своеобразно. Внешность он имел неказистую, но, похоже, ничуть от этого не страдал. «Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные... черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок – большой рот, с желтыми, редко расставленными зубами», – таким он смотрелся среди одноклассников. При таких данных внешне копировать своих литературных героев не имело смысла. Приходилось быть самим собой. По-видимому уже тогда Ленин производил впечатление пугающего сгустка энергии: «При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы ступенька встала при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией». В школьной среде будущий вождь держался с самодостаточной отчужденностью – качество, свойственное харизматичному от природы лидеру. «Ульянов... довольно резко отличался от всех нас – его товарищей», – вспоминал все тот же его одноклассник. – Казалось, это был на редкость

«правильный» ученик: «...Даже во время перемен Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно около окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственно, что он признавал и любил, как развлечение, – игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при единовременной борьбе с несколькими противниками». Впечатлял он учеников и даже учителей тем, что всегда ухитрялся найти исчерпывающий ответ на любой вопрос. При всей «веселости нрава» он оставался «до чрезвычайности скрытен» и никогда не опускался до доверительных откровенностей. Все это порождало характерную реакцию: «...Он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но... нельзя сказать, чтобы его любили, скорее – ценили». Однако в те времена своего превосходства Ленин никогда «не выказывал и не подчеркивал» [26, с. 42].

Тем не менее среди политиков Ленину постоянно приходилось самоутверждаться – в борьбе с народниками, отечественными и зарубежными «предателями» дела революции, либералами. Сохранить почтение к «авторитетам» при всей потребности в них становилось невозможно. Напротив, очевидцы не раз отмечали, что, публично полемизируя, Ленин обычно обходил существо дела, предпочитая сосредоточиться на тех персональных чертах противника, которые могли не понравиться присутствующим [7, с. 178, 181]. Стремление выставить противника в жалком свете – стало со временем приметной чертой всей большевистской пропаганды.

Главный парадокс состоял в том, что Ленин «побеждал» и «проигрывал» вопреки исповедуемой им доктрине. В 1917 г. он инстинктивно действовал по законам хаоса и выиграл; в Гражданскую войну прямолинейно придерживался коммунистических установок – и проиграл, уступив «мелкобуржуазному» крестьянству. История по-своему шутит с неистовыми доктринерами. В этом, кстати сказать, источник нескончаемого изумления перед результатами их практических деяний.

Впрочем, эмоции приходящи и преходящи. В литературе о Ленине значительное место занимает проблема «немецких денег». Между тем вопрос элементарен. Ленин, разумеется, понимал, что объективно он работает на военных противников России. Но моральная сторона вопроса мало его смущала – его цели лежали поверх той ненавистной действительности, которую он намеревался «перевернуть». К тому же, если мировому империализму суждено самому себя революционно уничтожить, то субсидии со стороны Германии – лишь подтверждение верности марксистского прогноза. С этой идейной «высоты» любое чистоплюйство казалось Ленину глупостью. Деньги «империалистов» должны работать против них самих. С кого начать – в манящем свете мировой революции казалось не столь важным.

В отличие от лидеров других социалистических партий Ленин производил впечатление предельно делового и деловитого человека. «Тут я понял,

что имею дело с человеком, который привык понимать с двух слов... – вспоминал Шалапин. – Он меня сразу покори́л и стал мне симпатичен». «Это, пожалуй, вождь, – подумал я» [46, с. 210]. Впрочем, нельзя забывать, что писалось все это уже тогда, когда выдающаяся революционная харизма Ленина стала фактом истории. И это не только лишало его противников привычных аргументов, но и заставляла вписывать его образ в самоутошительные теории.

В этом смысле особенно примечательна позиция Н.А. Бердяева. Для него «масштабность» Ленина стала символическим воплощением грандиозности русской революции. Из среды людей образованных Ленина выделяло то, что «в нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строящих русское государство». В Ленине сочеталось несоединимое: он был одновременно «революционер-максималист и государственный человек», соединяющий в себе «предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в практической политике». По мнению Бердяева, «только такие люди успевают и побеждают» [3, с. 94, 95].

Конечно, революционная стихия «подправляла» Ленина. В 1917 г., отчаявшись «просветить народ», он увидел властный идеал в том, чтобы «следовать за жизнью», «предоставить полную свободу творчества народным массам», больше полагаться на их «опыт и инстинкт» [15, с. 27, 275]. Обычно русская интеллигенция опирается на «непогрешимые» теории; Ленин взял в союзники охлократию. И хотя его проекты «государства-коммуны» выглядят настоящей моделью тоталитарного Левиафана, весь его пафос связывался с надеждой-утопией, что рабочие и крестьяне сами сумеют овладеть «безошибочным искусством делать революцию» [16, с. 69].

Надо заметить, что Ленин по-своему, т.е. с минимумом фантазии, работал над собственным имиджем. Мягкие шляпы и котелки сменила простецкая кепка – головной убор шансонье парижских рабочих кабачков. Для российских пролетариев человек в потертой, но все же господской «тройке», нелепо соседствующей с нелепым картузом, вряд ли стал более близким (даже иные красногвардейцы носили котелки). Однако Ленин сумел невольно сломать привычные классовые маркеры: теперь он визуально не походил ни на кого, а потому мог «приподняться» над всеми. Вождь-ленному «слиянию с массой» препятствовала, вроде бы, природная картавость речи – в глазах низов признак принадлежности то ли к еврейскому племени, то ли к грацирующему барскому сословию [12, с. 18]. Но вождь и не должен быть подобием «человека толпы». Ему нужны черты «иногo своего».

Похоже, что всякий пролетарий мысленно «примерял» внешность Ленина к своей среде. Одному рабочему, борцу за Советскую власть на Дону (в г. Шахты) в декабре 1917 г. Ленин предстал в таком виде: «Нам показав-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

лось, что к нам подходит похожий на монтера человек, костюм его был слишком прост – табачного цвета, на груди висела железная массивная цепь, один штиблет на правой ноге был заштопан, редкие волосы окаймляли его выдвинутый череп, борода и усы, которые он, очевидно, недавно сбрил, щетинились...»⁵. Как видно, в память особенно врезались «пролетарские вериги» вождя. Вероятно, эффект неожиданности сработал на «убедительность» речей вождя.

Некогда Ленин находился в дружеских отношениях с партийным спонсором М. Горьким. Однако осенью 1917 г. не в меру эмоциональный «буревестник революции» принялся морализировать на тему большевизма. 10 ноября 1917 г. газета писала, что Ленин при всех своих несомненных достоинствах «вождя» отличается «чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс», с инстинктами которых он работает «как химик в лаборатории». Однако вряд ли это ленинское – реальное или придуманное – качество было заметно «снизу».

Воспоминания Р. Локкарта также впечатляют «контрастным» изображением «вождя»: «В его внешнем виде не было ничего хотя бы отдаленно напоминающего сверхчеловека. Невысокий, довольно плотный, с короткой толстой шеей, широкими плечами, круглым красным лицом, высоким умным лбом, слегка вздернутым носом, каштановыми усами и короткой щетинистой бородкой, он казался на первый взгляд похожим скорее на провинциального лавочника, чем на вождя человечества». Вместе с тем и Локкерт отдал дань уже сложившимся представлениям о Ленине: «Что-то было, однако, в его насмешливом, наполовину презрительном, наполовину улыбающемся взгляде, что говорило о безграничной уверенности в себе и сознании собственного превосходства». Вместе с тем Локкерт, потрясенный ленинской «силой воли» и «непреклонной решимостью», выделял в нем «полное отсутствие эмоций», с одной стороны, и «сардонистический юмор, высоко развитый у него», – с другой. Сочетания этих качеств и давало эффект непогрешимости. И, конечно, в своей вере в мировую революцию Ленин, действительно, мог быть «беззастенчив и непреклонен, как иезуит» [19, с. 149–150].

Конечно, большевизм был неоднороден. Среди лидеров встречались и лица, пораженные своего рода революционным нарциссизмом. «Произошло то, чего я хотел, о чем мечтал: я действительно популярный вождь пролетарских масс, – уверял А.В. Луначарский. – Быть может ни одно имя, кроме Троцкого и Ленина, не пользуется такой известностью и любовью. Но счастье, великое счастье быть передовым деятелем революции и горько!» [45,

5. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 368. (Воспоминания Дьякова.) Л. 36.

с. 234]. Вероятно, Луначарскому было горько от сознания, что революция *заставила* его надеть на себя совсем не свойственную ему – человеку творческой элиты – «ультрареволюционную» личину. Но оставайся он самим собой – он тут же был бы исторгнут из эмоционального потока революции.

Забавно, что тот же Луначарский, по некоторым свидетельствам, сравнивал Ленина с Христом, и уверял, что если бы Христос был жив, он стал бы большевиком [19, с. 271]. Большим и искренним фантазерам революции сопутствует сладкоголовая мелюзга. И это тоже одна из черт революционно-карнавала.

Революция эта, по выражению Троцкого, «великая пожирательница людей и талантов», прежде чем до конца использовать человека, заставляла его надеть ту или иную маску. Порой под рукой Клио оказывался случайный человек, едва годный на одноразовое применение, который быстро и бесследно исчезал во мгле людской памяти. Но были и те, которых революция – «заслуженно» или «незаслуженно» – возносила словно специально для того, чтобы проверить, способны ли новые поколения правильно оценить тот или иной ее выбор. Увы, как правило, эту проверку мало кто выдерживает, ибо трудно заставить человека разглядеть в героях и злодеях прошлого самого себя.

Литература

1. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. – М., 2005.
2. Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. – М., 2003.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж, 1955.
4. Булдаков В.П. Ленин: Парадоксы жизни и смерти // Русский исторический журнал. – 2000. – Т. III. – № 1–4.
5. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. – М., 2015.
6. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.
7. Валентинов Н. О Ленине. – Нью-Йорк, 1991.
8. Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. – Тбилиси, 1991.
9. Гиппиус З. «Черные тетради» // Звенья. Вып. 2. – М.; СПб., 1992.
10. Долгоруков П.Д. Великая разруха. – Мадрид, 1964.
11. Дорошевич В.М. При особом мнении. – Кишинев, 1917.
12. Ильин-Женевский А.Ф. Один день с Лениным (из воспоминаний «виттемеровца»). – М.; Л., 1925.
13. Киевская мысль. – 1917. – 22 сентября.
14. Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. – М., 1968.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.
17. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Революция и социальная справедливость: Ожидания и реальность («Письма во власть» 1917–1927 годов) // Cahiers du monde Russe. Vol. 39 (4). Octobre–Decembre 1998.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

18. Литгауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. – М., 2006.
19. Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. – М., 2016.
20. Лопухин В.Б. После 25 октября // Минувшее. – 1990. – Т. 1.
21. Медем В.Д. Из моей жизни: Воспоминания. – М., 2015.
22. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. – Париж, 1979.
23. Минувшее. – 1996. – Т. 20.
24. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. – М., 1993.
25. Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. – М., 1991.
26. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. – Нью-Йорк, 1955. – Кн. 1.
27. Никитин Б.В. Роковые годы. Новые воспоминания участника. Мемуары начальника контрразведки Петроградского военного округа. – М., 2000.
28. Нуланс Ж. Визит Троцкого во французское посольство // Первая мировая война: История и психология. Под ред. В.И. Старцева. – СПб., 1999.
29. Одесский листок. – 1917. – 7 марта.
30. Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Т. 1. – М., 1990.
31. Паустовский К. Собр. соч. Т. 3. – М., 1957.
32. Политическая история России. Россия – СССР – Российская Федерация. – М., 1996. – Т. 1.
33. «Претерпевший до конца спасен будет». Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. – СПб., 2013.
34. Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. – М., 1992.
35. Раупах фон Р.Р. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). – СПб., 2007.
36. Революционное движение в апреле 1917 г. Апрельский кризис. – М., 1958.
37. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. Кн. 1. – М., 1987.
38. Следственное дело большевиков. Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сб. док-тов в 2 кн. – М., 2012. Кн. 1. С. 638, 755–756, 771, 791–793, 798; Кн. 2. Ч. 2.
39. Снесарев А.Е. Письма с фронта. 1914–1917. – М., 2012.
40. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. – М., 1991.
41. Тоган З.В. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997.
42. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. – СПб., 1997.
43. Троцкий Л.Д. Ленин как национальный тип. – Л., 1924.
44. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. – Берлин, 1930.
45. 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова / Сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая. – М., 2005.
46. Шаляпин Ф.И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. – М., 1990.
47. Шполянский А.М. Ормузд и Ариман // Еврейская трибуна. – 1920. – № 40. – 1 октября.